

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(470)''1918/1921''+(094.8)+322

МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1917–1921 ГОДАХ

А. В. Сипейкин

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена анализу материалов следственных дел против представителей духовенства как историческому источнику. По мнению автора, изучение данного источника позволяет исследовать историю гонений на духовенство. Также следственные дела содержат важную информацию о политической позиции духовенства, характере взаимоотношений между священниками и их паствой и повседневной жизни православного прихода. Исследование материалов следственных дел позволяет выявить важные сведения о конфликтах между советской властью и Русской Православной церковью, имевших место на региональном уровне, и о тех трениях, которые имели место внутри самого причта. При изучении этих проблем следует сравнивать данные, содержащиеся в материалах следственных дел, с данными других разновидностей источников. Это сравнение позволяет выявить значительное число внесудебных расправ над представителями духовенства и верующих.

Ключевые слова: Судебно-следственные дела. Источники по истории Русской Православной церкви. Советская антирелигиозная и антицерковная политика.

Начало XXI в. в отечественной историографии отмечено повышением интереса к источниковедению истории взаимоотношений Русской Православной церкви и Советского государства. Появляются серьезные академические обзоры источников по данной теме. Однако авторы этих обзоров иногда обходили стороной такой важный для понимания советской антицерковной политики источник, как материалы судебно-следственных дел против представителей духовенства¹. Внимание этим источникам уделялось по преимуществу в научно-популярных изданиях². В настоящее время

¹ *Кашеваров А. Н.* Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 51–65.

Kashevarov A. N., Pravoslavnaia rossijskaja cerkov' i sovetskoe gosudarstvo (1917–1922), М., 2005, S. 51–65.

² *Вострышев М. И.* Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860–1920-е годы. М., 2004. С. 216–310.

появляются всё новые исследования судебных дел против представителей духовенства. С помощью этих комплексов документов успешно решаются актуальные для современной историографии проблемы, например, вопрос о степени обоснованности репрессий против духовенства³. Исследователи указывают на большие возможности, которые данные следственных дел предоставляют исследователям, их значение для изучения складывающихся репрессивных практик и «преломления мероприятий политики по отделению Церкви от государства в судьбах провинциальных православных»⁴.

Появляются исследования отдельных, наиболее важных следственных дел против представителей духовенства. Исследователь судебного процесса против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. А. И. Мраморнов обращает внимание на то, что большевики использовали суд в качестве способа «знакомства с Православной церковью, её структурой», системой епархиального и приходского управления, защитники «подробнейшим образом расспрашивали свидетелей и обвиняемых о взаимоотношениях епископа с благочинными и настоятелями приходов, об отличиях Епархиального совета от прежней консистории, об обязанностях церковных должностных лиц». В результате материалы процесса, по мнению А. И. Мраморнова, превращались в своеобразный справочник. В дальнейшем советские органы безопасности активно использовали информацию из этого «справочника» для внесения раскола в среде представителей Русской православной церкви. А. И. Мраморнов в своей статье подробно рассказывает о результатах проведённого им анализа судебного процесса. Однако, к сожалению, методика работы с источниками не стала предметом пристального внимания учёного⁵.

Исследователи следственного дела патриарха Тихона прот. Владимир Воробьёв, Н. А. Кривова, С. Н. Романова и А. В. Щелкачёв отмечают уникальность данного комплекса документов. Это обусловлено широтой хронологического охвата, объёмом и составом включённых в дело мате-

Vostryshev M. I., *Povsednevnaia zhizn' Rossii v zasedaniiah mirovogo suda i revtribunala. 1860–1920-e gody*, М., 2004, S. 216–310.

³ Леонтьева Т. Г. Калининское духовенство в репрессиях 1937–1938 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы VI Междунар. науч. конф. Иваново, 7–8 февраля 2007 г. Иваново, 2007. С. 77.

Leont'eva T. G., *Kalininskoe duhovenstvo v repressijah 1937–1938 gg.*, Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX veka, Materialy VI Mezhdunarodnoj nauch-noj konferencii. Ivanovo, 7–8 fevralja 2007 g., Ivanovo, 2007, S. 77.

⁴ Каиль М. В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих, 1918–1920-х гг. // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 59.

Kail' M. V., *Dela po obvineniju provincial'nogo episkopata, duhovenstva i veruju-shhih, 1918–1920-h gg.*, Otechestvennye arhivy, 2012, № 4, S. 59.

⁵ Мраморнов А. И. Судебный процесс против Саратовского духовенства в 1918–1919 гг. // Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. / публикация А. И. Мраморнова. М., 2013. С. 70.

Mramornov A. I., *Sudebnyj process protiv Saratovskogo duhovenstva v 1918–1919 gg.*, Sudebnyj process protiv saratovskogo duhovenstva v 1918–1919 gg., publikacija A. I. Mramornova, М., 2013, S. 70.

риалов. Как доказывают историки, эти документы позволяют осветить широкий круг вопросов истории Церкви в первые годы советской власти, обнаружить новые факты, не отражённые в других источниках. По мнению исследователей, данные следственного дела патриарха являются важным дополнением к информации, содержащейся в протокольной документации центральных органов власти. Вместе с тем историки отмечают, что «следственные дела из государственных архивов только недавно стали использоваться в качестве исторических источников». Этим они объясняют тот факт, что методика источниковедческого изучения следственных материалов ещё не разработана. Прежде всего, следует учитывать «особые условия и цели создания такой документации». Этим исследователи объясняют то, что к содержащейся в ней информации следует подходить с осторожностью. Особую сложность представляет интерпретация содержащихся в следственном деле «тенденциозно сфабрикованных обвинений, закулисно принимаемых решений, которые потом маскируются одеждами правосудия, лживой агитацией прессы». Исследователи справедливо отмечают необходимость скрупулёзного исследования истории создания текста и специфики действовавшего делопроизводства. Это, а также необходимость дать материал для культурно-исторической характеристики авторов источников делает необходимым внести некоторые коррективы в существовавшие ранее правила издания исторических документов. В частности, историки считают неправильной практику «облегчённого» издания источников советского периода, при которой имеют место неоговоренные исправления орфографии и синтаксиса текстов⁶.

Ценные рекомендации по использованию материалов следственных дел как исторического источника содержит соответствующий раздел книги «Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика». Вполне справедливым представляется поставленная автором раздела, С. В. Журавлёвым, задача определения того, «какое место данный источник занимал в кругу других делопроизводственных материалов, а также какую именно первоначальную функциональную нагрузку в работе ведомства он выполнял». Ответ на эти вопросы позволяет провести «полноценную оценку достоверности источника». С. В. Журавлёв выражает сожаление по поводу сложившейся практики, когда исследователи пытаются уйти от решения перечисленных задач, «сосредоточившись на раскрытии одной из сторон (как правило, наиболее очевидной) информационного потенциала документов». По мнению историка, актуальным является вопрос о создании «источниковедения материалов специального делопроизводства» как особого направления. Это позволит перейти к более тща-

⁶ Воробьёв В., прот., Кривова Н. А., Романова С. Н., Щелкачёв А. В. Предисловие // Следственное дело патриарха Тихона: сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 53–54.

Vorob'jov V., prot., Krivova N. A., Romanova S. N., Shhelkachjov A. V., *Predislovie, Sledstvennoe delo patriarha Tihona: sbornik dokumentov po materialam Central'nogo arhiva FSB RF*, M., 2000, S. 53–54.

тельному анализу различных категорий репрессированных, в том числе изучить «социально-классовую, национальную, половозрастную, религиозную и иные составляющие политических репрессий»⁷.

Современными исследователями поднята очень важная проблема систематизации материалов судебных дел против представителей духовенства. Прот. Владимир Воробьёв, Н. А. Кривова, С. Н. Романова и А. В. Щелкачёв дают классификацию материалов, включённых в следственное дело патриарха Тихона. Они выделяют, во-первых, «документы, созданные в ходе следствия и отражающие его ход», и, во-вторых, «материалы, приобщённые к делу в качестве документальных вещественных доказательств». Особое значение историки придают материалам VI отделения СО ГПУ-ОГПУ, в котором велось следствие, документам, характеризующим ход следствия и основным решениям по делу. Особую ценность, по мнению исследователей, представляют протоколы допросов. Они позволяют проследить «эволюцию взглядов... подследственных, позицию допрашиваемых свидетелей... раскрывают весь драматизм коллизий, в которые попали подследственные». Исследователи обращают внимание на необходимость анализа почерка, который позволяет оценить внутреннее состояние подследственных⁸.

Данные рекомендации по изучению следственной документации как источника по истории советской антицерковной политики представляются вполне справедливыми, однако, на наш взгляд, предложенная прот. Владимиром Воробьёвым, Н. А. Кривовой, С. Н. Романовой и А. В. Щелкачёвым классификация материалов следственного дела представляется недостаточно точной. В большей степени учесть все особенности отражения информации в документах и выработать ещё более совершенную методику работы с ними позволяет классификация, предложенная С. В. Журавлёвым. В качестве первой группы он выделяет документы о задержании и аресте. Их значение состоит в том, что они «объясняют причины и основания ареста». В процессе источниковедческого анализа этих документов, как отмечает С. В. Журавлёв, следует обращать внимание на наличие подписей и виз, совпадение даты ареста с датой обыска и другие делопроизводственные детали. Это связано с необходимостью выяснения обстоятельств ареста. Нередко он производился второпях, без соблюдения необходимых формальностей. Среди документов первой группы С. В. Журавлёв выделяет справки на арест. Их отличает «тенденциозность подбора и интерпретации фактов, обвинительный уклон и замалчивание данных», не вписывающихся в

⁷ Журавлёв С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 150.

Zhuravljov S. V., *Sudebno-sledstvennaja i tjuremno-lagernaja dokumentacija*, Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teorija, metodologija i praktika, pod obshh. red. A. K. Sokolova, M., 2004, S. 150.

⁸ Воробьёв В., прот., Кривова Н.А., Романова С.Н., Щелкачёв А.В. Указ. соч. С. 55–56. Vorob'jov V., prot., Krivova N.A., Romanova S.N., Shhelkachjov A.V., *Op. cit.*, S. 55–56.

версию следствия. Эти особенности документа исследователь объясняет целью создания документа. Справка должна была стать основанием для санкционирования ареста подозреваемого. Однако это даёт историку возможность получить «представление о том, каким именно компроматом обладало следствие накануне ареста». Справки на арест содержат ценные сведения о методах и источниках сбора информации о гражданах, «уникальные подробности об образе жизни, круге общения подозреваемого с цитированием разговоров и высказываний». К другим документам данной группы относятся материалы оперативной разработки спецслужб, донесения сексотов, акты обыска и протоколы об изъятии вещей. Вторую группу составляют документы о ходе следствия: анкета арестованного, протоколы допросов и очных ставок, показания и заявления подследственных, постановления об окончании следствия, обвинительные заключения и справки об ознакомлении с ним подследственного. Они характеризуют главные этапы собственно следственных действий. На первом этапе работы с документами данной группы С. В. Журавлёв предлагает восстановить подробную хронологию ведения следствия, затем необходимо установить личности следователей. Решение этих задач позволяет выявить, насколько сложно и напряжённо проходил допрос и насколько был загружен следователь, что не могло не отразиться на ходе следствия и качестве его документального оформления. Знание круга и характера дел, которые одновременно вёл следователь, позволяет понять логику следственных действий и связь между собой различных дел. С настороженностью, по мнению С. В. Журавлёва, следует относиться к признательным показаниям, не вытекающим из внутренней логики допроса и хода предшествующего следствия. В третью группу, итоговые материалы следствия, входят протоколы судебного заседания с приговором и справки об исполнении приговоров или наряды на отправку в места заключения. Среди материалов, приобщённых к следствию, автор выделяет материалы о подозреваемом, добытые агентурно-оперативным путём, материалы, изъятые во время обыска и ареста и фигурирующие в качестве вещественных доказательств, и справки, полученные следователем в ответ на его запросы. К этой же группе относятся письма, жалобы и ходатайства, составленные самими подследственными, их родными и друзьями⁹.

Необходимо, однако, отметить, что предложенная С. В. Журавлёвым классификация разработана на материале следственных дел более позднего периода. Делопроизводство периода Гражданской войны имеет собственную специфику, требующую внесения соответствующих корректив в методику работы с материалами следственных дел как с источником.

Вопросы, связанные с историей делопроизводства и особенностями судебно-следственных дел как источника, разрабатываются в работах по истории советских судебно-следственных органов. Работе Революционного трибунала посвящена статья Д. Б. Павлова. Одной из основных особенно-

⁹ Журавлёв С. В. Указ. соч. С. 163–186.

Zhuravl'ov S. V., *Op. cit.*, С. 163–186.

стей революционного правосудия того периода историк называет «отсутствие каких-бы то ни было “лишних” формальностей» и презрение к «декоративной стороне» судебного процесса. Это проявлялось, в частности, в случаях, когда следствие по политическим делам сводилось к составлению обвинительного акта и допросу обвиняемого, который после этого «исчезал» и юристам, ответственным за судебное делопроизводство, не оставалось ничего другого, кроме как подшить к делу бумажку о смерти обвиняемого¹⁰.

На состоянии судебного делопроизводства крайне негативно сказывалась нехватка квалифицированных кадров. Как отмечалось в приказе по Тверскому губревтрибу от 30 августа 1922 г., ведение делопроизводства в канцелярии учреждения было неудовлетворительным. Это выражалось в неправильной подшивке бумаг, отсутствии в настольном реестре точных записей по фамилиям привлекаемых по делам лиц, не заполнении некоторых граф реестра нужными сведениями, отсутствии записей в алфавите имён и отчеств обвиняемых и т. п. Увольнение прежних сотрудников и назначение новых не приводило к решению проблемы. Как показывают документы, даже после проведения судебной реформы 1922 г. состояние делопроизводства в местных судебных учреждениях оставалось далёким от идеального. Так, в циркуляре Тверского губернского суда уполномоченным Тверского губсуда от 11 мая 1923 г. констатировалось, что «протоколы судебных заседаний, приговоров и обвинительные заключения составляются столь небрежно и неразборчиво, что иногда не представляется никакой возможности прочесть написанное». В циркуляре Губернского суда от 21 апреля 1923 г. отмечалось, что «приговоры Нарсудов в большинстве случаев выносятся без соблюдения самых элементарных формальных требований, предусмотренных Уголовным и Уголовно-процессуальным Кодексами». В аналогичном циркуляре от 3 октября 1923 г. отмечалось, что «дела присылаются в хаотическом порядке, без описей бумагам и последние без соблюдения хронологии, в большинстве своём не подшиты»¹¹.

Этими особенностями делопроизводства Революционного трибунала обусловлена необходимость внесения существенных корректив в методику исследования материалов следственных дел как исторического источника. Это связано как со спецификой отражения в документах информации, так и с составом документов, входящих в ту или иную группу. Так, документы первой группы (по классификации С. В. Журавлёва, разработанной для комплексов документов 1930-х гг.) в следственных делах Революционного трибунала представлены достаточно слабо. К этой группе можно отнести, например, включённые в дела письма с жалобами предста-

¹⁰ Павлов Д. Б. Трибунальный этап советской судебной системы. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 7–9.

Pavlov D. B., *Tribunal'nyj etap sovetskoj sudebnoj sistemy. 1917–1922 gg.*, *Voprosy istorii*, 2007, № 6, С. 7–9.

¹¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 2, 7, 1454, 9978.

State Archives of the Tver region (GATO), F. R-753, Op. 1, D. 2, 7, 1454, 9978.

вителей власти на контрреволюционную агитацию и подстрекательство к насилию против власти со стороны причта, ставшие основанием для заведения уголовного дела¹². Часто поводом для ареста представителя духовенства и предъявления ему обвинений служил донос лиц, стремящихся свести счёты либо с самим священником, либо даже с целыми общинами, в которых тот пользовался авторитетом и которые дорожили им. Так, арест священника М. Г. Волкова был осуществлён на основании доноса граждан, недовольных тем, что граждане села Доброе воспрепятствовали ограблению группой жителей других деревень находящегося в их селе имения Журавлёва. Этот священник был известен как человек, 12 лет прослуживший в храме и бывший «работником за беднейший класс прихода». Благодаря его усилиям в селе была открыта школа и восстановлен полуразвалившийся храм. Донос был направлен не только против него, но и против села в целом. В нём говорилось о том, что контрреволюционные проповеди М. Г. Волкова были весьма успешны и привели к организации в его приходе хорошо вооружённой банды¹³.

Немногочисленность документов, относящихся к данной группе, связана с тем, что формальная процедура сбора компромата, необходимого для ареста, была недостаточно проработана и многое определялось не правилами, а соображениями «революционной целесообразности». Сеть осведомителей в изучаемый период не была ещё достаточно разветвлённой и работала не очень эффективно.

Состав документов, входящих во вторую группу, также отличается от того, который присущ более позднему периоду развития судебно-следственного производства, описанному С. В. Журавлёвым. Так, анкета допрашиваемого в период Гражданской войны иногда не выделялась в качестве отдельного документа, являясь составной частью протокола допроса. В рассматриваемый период анкета допрашиваемого включала следующие вопросы: фамилия, имя и отчество; возраст во время совершения преступления; «место приписки» (губерния, уезд или город, волость, село или деревня); постоянное местожительство; грамотность; образование; семейное положение; занятие; имущественное положение; судимость и «политическое кредо». Безусловно, данные анкеты представляют интерес для уточнения фактов биографии обвиняемых. Ответ на последний вопрос анкеты священников, которым предъявлялось обвинение в контрреволюционной деятельности, представляет особый интерес, поскольку даёт ценный материал для изучения их реальной политической позиции. Как правило, священники старались подчеркнуть свою аполитичность («Всякая власть от бога. Повинуемся существующей власти – как власти»; «Какая бы ни была власть – мы должны подчиняться – для нас безразлично»)¹⁴. В других про-

¹² ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 474.

ГАТО, Ф. Р-1998, Оп. 1, Д. 474.

¹³ Там же. Д. 608.

Ibid, D. 608.

¹⁴ Там же. Д. 1252.

токолах в состав анкетных данных включались фамилия, имя и отчество, возраст, «место родины», место жительства, рождения, звание, религия, «степень образования, семейные отношения, особые приметы, «отношения к потерпевшему от преступления» и судимость¹⁵. Единых правил оформления протоколов допросов обвиняемых в изучаемый период ещё не было. Бланки документов были иногда различными даже в рамках одного дела¹⁶. В случаях, когда священников подозревали в участии в разжигании общественных волнений, в анкеты протоколов допроса включались также вопросы о наличии оружия, воинской повинности, присутствии на народных сходах и причинах недонесения о происходившем Советской власти¹⁷.

Протоколы допросов обвиняемых в различных «контрреволюционных преступлениях» нередко содержат информацию, которая касается не только самого инкриминируемого факта, но и предыстории конфликта между представителями Православной российской церкви и Советской властью. Так, обвинённый в сокрытии церковных ценностей архимандрит Аполлинарий указал на то, что главным мотивом поступка было желание, чтобы «посторонние лица не приехали и не расхитили монастырского имущества, как это было в 1918 и 1917 году, когда приехали красноармейцы, но крестьяне отстояли монастырские сокровища»¹⁸. Часто протоколы допросов содержат важные детали, объясняющие поведение обвиняемых в контрреволюционных преступлениях. Так, священник Н.А. Козырев, обвинённый в клевете на советскую власть, которая якобы под видом переписки хочет разграбить церковь, указал на тот факт, что попытка проведения мероприятия была произведена во время праздничного богослужения в день Благовещения, когда в церкви собралось много народа¹⁹. Очевидно, что причиной обострения конфликта была не контрреволюционная агитация священника, а демонстративность в поведении представителя власти, выбравшего не самый удачный момент для осуществления поставленной перед ним задачи.

Протоколы допросов обвиняемых и свидетелей содержат также информацию о противоречиях, существовавших внутри причта, трениях между настоятелями и монахами. Например, настоятеля Нило-Столобенской пустыни Апполинария иеромонах Иоанникий охарактеризовал как не способного управлять монастырём, «очень замкнутого», «страшно самолюбивого и властного». Свидетель отмечал, что настоятель «на каждом шагу то

Ibid, D. 1252.

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 346.

ГАТО, Ф. Р-1998, Оп. 1, Д. 346.

¹⁶ Там же. Д. 1252.

Ibid, D. 1252.

¹⁷ Там же. Д. 390.

Ibid, D. 390.

¹⁸ Там же. Д. 1252.

Ibid, D. 1252.

¹⁹ Там же. Д. 94.

Ibid, D. 94.

и дело подчёркивает, что он хозяин», имеет любимцев, которые «благоденствовали, а остальные жили как собаки». Как явствует из показаний иеромонаха, среди любимцев преобладали «молодые и неопытные», среди отстранённых от процесса принятия решений – представители старшего поколения²⁰. Иногда такие свидетельские показания позволяют воссоздать процесс сбора информации, которая была необходима для заведения уголовного дела, компенсируя тем самым отсутствие в делах документов, которые С. В. Журавлёв относил к первой группе. Например, в протоколе допроса в следственном деле против обвинённого в контрреволюционной агитации священника Константина Вишнякова содержатся сведения о написавшем донос Кочерове²¹. В упоминавшемся выше деле против настоятеля Нило-Столобенской пустыни содержится информация, позволяющая предположить, что сведения о сокрытии церковных ценностей агентам советской власти сообщили недовольные отношением к ним Аполлинария представители старшего поколения монахов. Ссылки на написанные на обвиняемых доносы содержатся в протоколах допроса в деле о причте Космо-Демьяновской церкви Прямухинской волости²².

Особенностью постановлений Революционного трибунала рассматриваемого периода (по крайней мере, в Тверской губернии) было то, что, в отличие от более позднего периода, количество осуждённых вовсе не совпадало с числом тех, против кого велись следственные действия. Среди оправдательных решений Революционного трибунала можно отметить, например, постановления по делу по обвинению Совета духовных лиц Ниловой пустыни в сокрытии монастырских драгоценностей в замурованном помещении в стене под сводами главного храма, по делу об антисоветской агитации священников Н. А. Козырева, К. Поддубского и Константина Вишнякова, священника М. Н. Белюстина, иеромонаха Троицкого Калязинского монастыря М. Сорокина, церковнослужителей Александра Пенкина и Василия Голубева²³, монахинь Кашинского Сретенского монастыря, духовенства Корчевы, ксендза Ходыко, священников Ильигорского, Костина, А. А. Соколова и Д. И. Чередеева, заведующего хозяйственной частью Николо-Малицкого монастыря. Обвинительные приговоры этого периода также отличаются от последующих этапов своей относительной мягкостью. Священники Д. Петропавловский, М. Г. Волков и Н. Полозов были амнистированы. Священники, обвинённые в участии в «Преображенском восстании» 25 февраля 1918 г. в г. Осташков, были осуждены на значительные (25 и 30 лет) сроки заключения, но вскоре в ответ на многочислен-

²⁰ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1с. Д. 1252.

ГАТО, Ф. Р-1998, Оп. 1с, Д. 1252

²¹ Там же. Д. 252.

Ibid, D. 252.

²² Там же.

Ibidem.

²³ Там же; Оп. 1. Д. 474, 1252, 94, 109, 390, 27, 474.

Ibid; Оп. 1, Д. 474, 1252, 94, 109, 390, 27.

ные прошения граждан были освобождены²⁴. Эти данные подтверждаются и исследованиями, сделанными на материале некоторых других регионов. Так, М. В. Каиль отмечает, что в 1918–1920х гг. «репрессивные санкции государства в отношении представителей православного общества... ещё не были столь предопределёнными, как в 1937–1938 гг.»²⁵.

Впрочем, мягкость приговоров Революционного Трибунала невыгодно оттенялась ничтожностью поводов к привлечению к ответственности. Могли иметь место случаи привлечения священников к ответственности за неисполнение религиозных обрядов, если этот отказ был сочтён чекистами «саботажем». Например, следствие против священника села Красный Холм Н. Полозова было начато по причине его отказа крестить младенца, крестным которого должен был стать некто Я. Марков. Отказ был обусловлен тем, что последний на родительском собрании отрицал необходимость преподавания Закона Божия, поскольку «Закон как старого, так и Нового заветов не отвечает своему назначению при настоящей народной власти». Согласно церковным правилам, восприемником новорождённой мог стать только человек, верующий в излагаемые в Законе Божиим положения, в то время как Я. Марков «отвергал религиозные понятия в том смысле, какие приняты и существуют в Православной Церкви». Поэтому таинство крещения было совершено, но крестником стал другой человек, что не устроило ни Я. Маркова, ни представителей советской власти²⁶. Как «опасный для социалистической республики самосуд» могла быть расценена угроза священника отлучить от церкви прихожан, покусившихся на принадлежавшие причту земли²⁷. В качестве доказательства контрреволюционности священника К. Поддубского приводился тот факт, что он не производил торжественной службы в день годовщины «Великой Русской революции»²⁸. Послушники и иеромонах Троицкого Калязинского монастыря М. Сорокин были арестованы вместе с иконой Макария Калязинского за то, что обходили селения, служили молебны и собирали милостыню на нужды голодающего монастыря²⁹.

Множество поводов к обвинению священников в контрреволюционности давали произносимые ими проповеди. Причём для того чтобы

²⁴ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 1059, 46, 177, 122, 670, 128, 174, 360 (Т. 1–2), 898, 645, 301, 608, 175; Известия Тверского Совета. 1918 г. 13 апреля; 16 апреля 1918 г.

ГАТО, Ф. Р-1998, Оп. 1, Д. 1059, 46, 177, 122, 670, 128, 174, 360 (Т. 1–2), 898, 645, 301, 608, 175; *Izvestija Tverskogo Soveta*. 1918 g., 13 aprilja, 16 aprilja 1918 g.

²⁵ Каиль М. В. Указ. соч. С. 66.

Kail' M. V., *Op. cit.*, S. 66

²⁶ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 175.

ГАТО, Ф. Р-1998, Оп. 1, Д. 175.

²⁷ Там же. Д. 301.

Ibid, D. 301.

²⁸ Там же. Д. 109.

Ibid, D. 109.

²⁹ Там же. Д. 127.

Ibid, D. 127.

счесть проповедь «контрреволюционной», было достаточно совсем немногочисленной. Таковой могла быть сочтена практически любая проповедь на политическую тему (разумеется, за исключением речей откровенно коммунистического характера, произнесённых «красными батюшками»). Например, протоиерей Преображенской церкви города Ржева Николай Гумилин был арестован на том основании, что в его проповеди якобы содержались призывы к возмущению против советской власти. Так были поняты слова об охватившей страну проказе, в результате которой от неё отпали Сибирь, Украина и другие территории страны. Между тем проповедь касалась, согласно изложению самого священника, «общей нашей духовной болезни – мародерства, спекуляции, злобы, ненависти, вражды друг к другу без различия партий – которую я называл проказой в духовном смысле этого слова, чтобы показать, насколько мы больны вследствие мировой войны и насколько эта мировая война разделила нас». Слова священника об отсутствии в его проповеди каких-либо контрреволюционных высказываний подтверждаются показаниями прихожан церкви, в которой была произнесена проповедь. Одной из причин того, что против священника было заведено уголовное дело по обвинению его в контрреволюционной агитации, могла быть та, что он был депутатом III Государственной Думы и некоторое время входил в партию октябристов³⁰. В качестве контрреволюционной агитации была расценена и взволновавшая прихожан жалоба священника села Карцево Корчевского уезда А. А. Соколова на чрезмерную тяжесть возложенной на него контрибуции³¹. Таковой могли признать и обсуждение чисто хозяйственных вопросов³².

В качестве другого примера можно привести дело священника Н. Т. Кавского. Суд приговорил обвиняемого к штрафу в тысячу рублей за отказ венчать граждан в пасхальную субботу и исправлять требы в части деревень его прихода. Этот отказ путём сложных умозаключений, подкреплённых указаниями на обиду «попа» на изъятие у него земли, связывался с подрывом престижа советской власти и неподчинением её распоряжениям³³. Ценность такого рода дел как источника не следует недооценивать. Они дают представление о повседневной жизни прихода в годы Гражданской войны и содержат ценную информацию о конфликтах между прихожанами, связанных с материальным обеспечением духовенства.

Важные дополнения к судебным постановлениям, сохранившимся в фонде Тверского революционного трибунала, дают источники личного происхождения, периодическая печать и документы фондов Епархиальных управлений и центральных советских ведомств. Некоторые судебные при-

³⁰ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 1.

ГАТО, Ф. Р-1998, Оп. 1, Д. 1.

³¹ Там же. Д. 122.

Ibid, D. 122.

³² Там же. Д. 1309, 122.

Ibid, D. 1309, 122.

³³ Там же. Оп. 1с. Д. 346.

Ibid, Оп. 1с, D. 346.

говоры публиковались на страницах советских газет. Эти источники говорят о том, что имели место случаи высылки представителей духовенства, обвинённых в антисоветской агитации, за пределы губернии (игумен Краснохолмского монастыря отец Иоанн Гречников) или уезда (архимандрит Старицкого Успенского монастыря). (Известия Тверского Совета. 1918 г. 13 апреля; 16 апреля; 12 декабря; 24 декабря). Иногда представители советской власти ограничивались взиманием с «попов» денежных штрафов. На священников возлагались контрибуции размером от 1 до 5 тыс. руб. Сумма для 1918 г. была довольно значительной, и «попы» часто не могли расплатиться без помощи своих прихожан. Подобные контрибуции, очевидно, можно рассматривать как своеобразный «налог на веру»³⁴.

Среди документов, которые можно отнести к материалам, приобщённым к делу, можно встретить разнообразные материалы от изданий сатирических рассказов до частных писем. К этой же группе можно отнести и некоторые официальные документы. Так, к цитировавшемуся выше следственному делу против священника Н. А. Козырева было приобщено постановление Вороновского сельского комитета, оправдывающее священника³⁵. По сути, данное постановление похоже на также включавшиеся в следственное дело протоколы приходских собраний. На них верующие выносили постановления, в которых пытались оправдать своих пастырей. Так, к делу священника Константина Вишнякова были приобщены протоколы Троице-сковротинского прихода и собрания граждан деревни Бортниково, относящейся к тому же приходу, в которых крестьяне пытались заступиться за обвиняемого. Представляют интерес размышления крестьян о политической ориентации пастыря. Однако уровень образования авторов такого рода документов не всегда позволяет быть полностью уверенным в адекватном понимании смысла доносимого до власти послания³⁶.

Для советских следователей протоколы приходских собраний часто представляли интерес как доказательство участия церковников в организации антисоветских восстаний. Именно этим объясняется, например, приобщение соответствующих документов к делу о «Преображенском восстании» в г. Осташков, имевшем место 25 февраля 1918 г. Протоколы приходских собраний, имевших место накануне этого события, свидетельствуют о недовольстве верующих проводимой советской властью антицерковной политикой, запретом на преподавание Закона Божия в школах, покуше-

³⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 4. Д. 383; Оп. 3. Д. 737; ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1304; «Насколько дешево стала цениться жизнь». Дневник бежецкого священника И. Н. Постникова // Источник. 1996. № 5. С. 26.

State Archive of the Russian Federation (GARF), F. A-353, Op. 4, D. 383; Op. 3, D. 737; GATO, F. R-641, Op. 1, D. 1304; «Naskol'ko djoshevo stala cenit'sja zhizn'». Dnevnik bezheckogo svjashhennika I. N. Postnikova, Istochnik, 1996, № 5, S. 26.

³⁵ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 94.

ГАТО, F. R-1998, Op. 1, D. 94.

³⁶ Там же. Оп. 1с. Д. 252.

Ibid, Op. 1с, D. 252.

ниями на церковное имущество, обвинениями в адрес «контрреволюционного» духовенства. В качестве доказательства участия верующих в подготовке к «Преображенскому восстанию» было использовано вынесенное общим собранием прихожан г. Осташков решение о созыве граждан путём колокольного звона в случае попыток ограбления храмов и «насилия по отношению к храму Божию и церковному имуществу, как это имело место в Ниловой Пустыни»³⁷.

Среди следственных дел особый интерес, разумеется, представляют дела против церковных иерархов. Так, следственное дело против Тверского архиепископа Серафима (Чичагова) содержит важную информацию, касающуюся не только советской антицерковной политики, но и периода т. н. «церковной революции» 1917 г.³⁸ Недоумение вызывает отсутствие интереса к этим важнейшим документам, введённым в научный оборот уже на рубеже XX–XXI в., со стороны историков, специально занимавшихся взаимоотношениями между тверским архиепископом и его мятущейся паствой³⁹. Представляется, что данный комплекс источников чрезвычайно важен для понимания процессов, имевших место в Православной российской церкви, и тех изменений, которые произошли в 1917–1921 гг. в системе управления этой организацией. В частности, в данное дело были включены стенограммы различных церковных собраний, имевших место на епархиальном и уездном уровне, и другие интересные документы. Они позволяют выявить истоки конфликта, оценить позицию духовенства отдельных уездов, проанализировать использовавшиеся методы борьбы. Также материалы данного следственного дела дают возможность выяснить то, насколько конфликт между пастырем и паствой способствовал ослаблению позиции Русской православной церкви в епархии⁴⁰.

Отдельную группу составляют следственные дела против рядовых прихожан Православной российской церкви. В качестве примера можно привести дело против верующей учительницы Станишинской школы Е. М. Соколовой, обвинённой в «неисполнении распоряжений советской власти». Вина её заключалась в том, что она являлась соучастницей возвращения в школу икон. Оно было совершено членами родительского собрания («толпой граждан во главе с местным попом Образцовым») и рассматривалось как грубое нарушение советского законодательства и общественного порядка⁴¹.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 360. Т. 1.

ГАТО, Ф. Р-1998, Оп. 1, Д. 360, Т. 1.

³⁸ Там же. Д. 493.

Ibid, D. 493.

³⁹ *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб, 2008. С. 98–109.

Rogoznyj P. G., Cerkovnaja revoljucija 1917 goda (Vysshee duhovenstvo Rossijskoj Cerkvi v bor'be za vlast' v eparhijah posle Fevral'skoj revoljucii), SPb, 2008, S. 98–109.

⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493.

ГАТО, Ф. Р-1998, Оп. 1, Д. 493.

⁴¹ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 645.

Чрезвычайно важны также те следственные дела, в которых разбирались случаи общественных беспорядков, Виновниками их были объявлены представители духовенства. Степень участия духовенства в такого рода событиях была различной. Далекое не всегда они выступали как главные фигуранты дела, но практически всегда власть подозревала в «попах» если не организаторов, то идейных вдохновителей тех, кто был недоволен политикой власти⁴². Активное участие духовенства в разжигании волнений всегда предполагалось тогда, когда они сопровождалась звоном церковного колокола⁴³. Особые подозрения вызывали случаи участия в организации восстаний родственников церковнослужителей⁴⁴. Контрреволюционность «попов» доказывалась и фактом торжественного отчисления ими похорон погибших участников «восстаний»⁴⁵. Есть основания полагать, что во многих случаях представители духовенства оказывались не активными деятелями, а заложниками ситуации, в которой им приходилось делать трудный выбор между двумя силами, требующими безоговорочного подчинения им по принципу «кто не с нами, тот против нас». Некоторые из них подвергались аресту со стороны «зелёных»⁴⁶. В любом случае все они должны были находить доказательства собственной невинности после поражения восставших. Принцип презумпции невинности на них явно не распространялся.

Между тем активные участники крестьянских восстаний далеко не всегда выступали под лозунгами защиты веры от посягательств безбожной власти. Как показывают документы, опубликованные В.И. Шишкиным, в Сибири имели место случаи, когда восставшие «разрушали церкви, одевали парчой своих лошадей, шили из поповских риз штаны, кисеты и прочее, причём уверяли, что крестьяне не только не протестовали, но сами помогали разрушать церкви». Ими были сожжены все церкви в Кузнецке, убивались священники «и прочие белоручки»⁴⁷. Случаи убийства повстанцами священников, в том числе вместе с их семьями, имели место и ранее, в ходе крестьянских восстаний в тылу у Колчака в 1919 г., и позже, в 1921 г.⁴⁸ В

GATO, F. R-1998, Op. 1, D. 645.

⁴² Там же. Д. 1059.

Ibid, D. 1059.

⁴³ Там же. Д. 360 (Т. 1–2), 391–389.

Ibid, D. 360 (Т. 1–2), 391,389.

⁴⁴ Там же. Д. 389.

Ibid, D. 389.

⁴⁵ Там же. Д. 383.

Ibid, D. 383.

⁴⁶ Там же. Д. 390.

Ibid, D. 390.

⁴⁷ Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2-х т. / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. И. Шишкин. М., 2000. Т. 1. С. 61–62, 65, 93, 97.

Sibirskaja Vandeja. 1919–1920. Dokumenty: v 2-h t., pod red. akad. A. N. Jakovleva; sost. V. I. Shishkin, M., 2000, T. 1, S. 61–62, 65, 93, 97.

⁴⁸ Сибирская Вандея... Т. 2. С.585; См. также: Будберг А. Дневник белогвардейца. Минск, М., 2001. С. 62.

числе своих основных врагов священников называли участники махновских банд на Украине⁴⁹. Но даже в случаях, когда анархистские антибольшевицкие восстания носили одновременно антицерковную направленность, среди советских бюрократов находились те, кто пытался объяснить возникновение волнений «влиянием попов»⁵⁰. Тем более «хорошая дружба с попами» и сектантами подчёркивалась в тех случаях, когда у восставших не было антиклерикальных лозунгов⁵¹. Акцентировалось внимание на тех случаях, когда среди лозунгов восставших было «присоединение снова церкви к государству»⁵². Авторами советских делопроизводственных документов подчёркивалась роль священников в организации восстаний, проведении контрреволюционной агитации, мобилизации восставших и организации разведки⁵³. Особо указываются случаи, когда в качестве пункта наблюдения и военного объекта использовались колокольни. При этом вопрос о том, до какой степени в таком использовании культового сооружения были виноваты представители духовенства, не ставился⁵⁴. В качестве доказательства контрреволюционности «попа» могла стать пушка, хранившаяся в церкви и использовавшаяся в мирное время для салюта во время Пасхи⁵⁵. Для обвинения в том, что священник сыграл «большую роль в восстании», достаточно было и отслуженного перед местными жителями молебна, даже если он не сопровождался никакими агитационными речами⁵⁶.

Между тем сохранившиеся агитационные документы восставших свидетельствуют, что религиозные лозунги наподобие «С нами Бог, да здравствует чистая советская власть» или «С нами Бог и царь Михаил Второй»⁵⁷, действительно довольно часто использовались мятежниками. Так, в воззвании повстанческого штаба Лапушинской волости Курганского уезда

Sibirskaja Vandeja..., Т. 2. S. 585; Budberg A., *Dnevnik belogvardejca*, Minsk, M., 2001, S. 62.

⁴⁹ Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Поход на Москву. М., 1996. С. 73.

Beloe delo: Izbrannye proizvedenija v 16 knigah. Pohod na Moskvu, M., 1996, S. 73.

⁵⁰ Сибирская Вандея... Т. 1. С. 70.

Sibirskaja Vandeja..., Т. 1, S. 70.

⁵¹ Там же. С. 194, 197, 207.

Ibid, S. 194, 197, 207.

⁵² Там же. С. 456.

Ibid, S. 456.

⁵³ Там же. С. 283, 300, 322, 339, 344, 349, 487, 515, 581. Т.2. С.186, 257, 271, 362, 378, 537, 643-644, 647, 669, 706.

Ibid, S. С. 283, 300, 322, 339, 344, 349, 487, 515, 581; Т. 2, С. 186, 257, 271, 362, 378, 537, 643-644, 647, 669, 706.

⁵⁴ Там же. Т. 1. С. 468-469, 555; Т. 2. С. 650.

Ibid, Т. 1, S. 468-469, 555; Т. 2, S. 650.

⁵⁵ Там же. Т. 1. С. 542.

Ibid, Т. 1, S. 542.

⁵⁶ Там же. С. 212–213.

Ibid, S. 212–213.

⁵⁷ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 556, 687, 708.

Sibirskaja Vandeja..., Т. 2, S. 556, 687, 708.

подчёркивалось, что Троцкий и другие большевистские вожди являются «врагами православного люда», не признающими Бога, пытающиеся заставить забыть его русских детей. Опираясь на эти соображения, авторы документа называли своё дело «великим и святым» делом «освобождения нашей измученной и исстрадавшейся родины от проклятого ига коммунизма». В воззвании штаба Народной повстанческой армии Гольшмановского района Ишимского уезда коммунисты были названы «людьми, для которых не существует ничего: ни Бога, ни правды, ни закона»⁵⁸. Большевики описывались повстанцами как «лентяи, дармоеды, неверующие в Бога, нигде не работающие, а лишь сладко едящие и чисто одевающиеся награбленным нашим имуществом»⁵⁹. Согласно тексту приговора выездной сессии Военно-революционного трибунала Приуральского военного округа по обвинению граждан Мендерской волости Курганского уезда от 28 февраля 1921 г., священник Т. Н. Тихомиров был расстрелян за то, что по просьбе «бандитов» отслужил молебен о даровании победы над коммунистами, «после чего банда выехала из села с пением “Боже, царя храни”»⁶⁰.

Очень важно учитывать причины использования восставшими религиозных лозунгов. Их широкая распространённость вовсе не обязательно означает, что антирелигиозная политика советской власти являлась основной причиной восстаний. Иногда, как, например, в случае «роговщины» в Западной Сибири, восставшие сами проводили антицерковную политику, причём ещё более жестокую, чем советская власть. Главными причинами восстаний, безусловно, являлись социально-экономические. Однако экономические требования не всегда годились в качестве объединяющих всё крестьянское население лозунгов. Это во-многом касалось и политических требований. Вспомним, что во время восстания в Сибири в 1921 г. одновременно выдвигались монархические и просоветские лозунги. Крестьяне достаточно чётко представляли себе, *против чего* они выступают. При этом существовала проблема самоописания восставших и определения того, *за что* велась борьба. В одном из советских информационных документов сообщается, что в ответ на вопрос, почему же крестьяне именуют себя белыми, пленный отвечал, что они пока не придумали, как себя можно было бы иначе назвать⁶¹. В этих условиях, очевидно, заложенный в любой религии могучий потенциал объединения всех носителей данной религиозной традиции против её нечестивых врагов оказывался тем ресурсом, на который не могли не обратить внимание восставшие. У лозунгов «С нами Бог, да здравствует чистая советская власть» или «С нами Бог и царь Михаил Вто-

⁵⁸ Там же. Т. 1. С. 187, 196.

Ibid, Т. 1, S. 187, 196.

⁵⁹ Там же. С. 709.

Ibid, S. 709.

⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 309.

Ibid, Т. 2, S. 309.

⁶¹ Там же. Т. 1. С. 598.

Ibid, Т. 1, S. 598.

рой» общим знаменателем оказывалась именно фраза «С нами Бог...» В случае принятия этой общей формулы восставшие крестьяне могли более определённо ответить самим себе и другим на вопрос, за что они идут на смерть. Насколько эта стратегия оказывалась более эффективной, показывает сравнение масштабов имевшего антиклерикальный оттенок «роговского» восстания, с активно использовавшим лозунги защиты религии восстанием в Западной Сибири в начале 1921 г.

Разумеется, среди представителей духовенства были те, кто сознательно шёл на то, чтобы принять активное участие в борьбе с большевиками. Так, если верить докладу помощника командира 61-й стрелковой бригады войск ВНУС от 7 марта 1921 г., в бою под Старо-Травнинским один «поп» шествовал с крестом в руках «впереди бандитов»⁶². Но очевидно, что многие священники в этой ситуации оказывались не лидерами, а актёрами, против своей воли играющими роль в трагедии, которая была написана другими. Каков бы ни был лозунг, избранный восставшими в качестве основного, священники оказывались в числе главных претендентов на роль жертвы.

Важно отметить то, что при подавлении восстаний достаточно распространённой была практика расстрелов без предварительных допросов⁶³ и даже самовольные расстрелы местными комячейками лиц, оправданных Революционным трибуналом⁶⁴. В некоторых донесениях о подавлении тех восстаний, в организации которых обвинялось местное духовенство, сообщается о бессудной расправе над ними⁶⁵. Во время восстания мобилизовалось (в том числе насильственно) всё население от рядовых крестьян до врачей, учителей и счетоводов. В случае отказа от участия в восстании имели случаи расстрела неприсоединившихся⁶⁶. Но при этом заведомые «контрреволюционеры» - священники, наряду с бывшими офицерами, признавались зачинщиками и организаторами априори. В этой связи обращает на себя внимание признание, сделанное на заседании Президиуме Енисейского губкома РКП (б) 5 ноября 1920 г., о том, что «выступления контрреволюционеров не только естественны, но и выгодны для нас, так как дают нам возможность применять пролетарские репрессии»⁶⁷. В том числе случаи крестьянских восстаний использовались как повод для расправы над якобы всегда враждебными новой власти «попами».

⁶² Сибирская Вандея... Т. 2. С. 367.

Sibirskaja Vandeja..., Т. 2, S. 367.

⁶³ Там же. Т. 1. С. 324, 579; Т. 2. С. 292, 314, 316.

Ibid, Т. 1, S. 234, 579; Т. 2, S. 292, 314, 316.

⁶⁴ Там же. Т. 2. С. 545.

Ibid, Т. 2, S. 545.

⁶⁵ Там же. Т. 1. С. 301; Т. 2. С. 507.

Ibid, Т. 1, S. 301; Т. 2, S. 507.

⁶⁶ Там же. Т. 2. С. 377.

Ibid, Т. 2, S. 377.

⁶⁷ Там же. Т. 1. С. 464.

Ibid, Т. 1, S. 464.

Как явствует из воспоминаний советских работников, хранящихся в фонде Тверского истпарта, в Тверской губернии также расстреливали священников, обвинённых в участии в контрреволюционном восстании. Судя по всему, «приговоры» также не оформлялись в соответствии с существовавшими юридическими правилами⁶⁸.

Таким образом, значение следственных дел заключается не только в том, что они позволяют изучить механизм репрессивных действий власти в отношении духовенства. Без скрупулёзного изучения материалов Революционного трибунала представляется невозможным решить горячо обсуждаемую в современной историографии проблему политической ориентации духовенства, оценить степень его аполитичности. Этот источник позволяет выявить как глубину существующих внутри причта и среди прихожан противоречий, так и то, до какой степени верующие были готовы оказывать поддержку своим пастырям.

Особую роль среди документов, включавшихся в судебноследственные дела, играют воззвания и другие документы, излагающие идеологию восставших. Они позволяют оценить роль религиозных лозунгов в формировании представлений восставших о целях своей деятельности.

Чрезвычайно важной задачей при исследовании материалов делопроизводства Революционного трибунала является сравнение их с данными других делопроизводственных материалов (в том числе военно-оперативных) и источников личного происхождения. Это сравнение позволяет сделать существенные поправки к выводам, сделанным на основе анализа приговоров местных судебных органов. Например, о значительном количестве внесудебных расправ со священниками и верующими и приговоров, согласно которым «попы» должны были выплачивать значительные контрибуции. Данные сравнительного анализа показывают, что значительное количество случаев репрессий против представителей духовенства не было отражено в материалах, отложившихся в фонде Революционного трибунала. В этом плане следственные дела нельзя считать вполне достоверными и дающими полную картину происходивших в том или ином регионе событий. Однако этот источник является чрезвычайно ценным для изучения повседневной жизни православного прихода, поскольку включавшиеся в состав дел документы содержат важные и редко отражаемые в других материалах данные как о трениях между властью и церковными организациями, так и о тех разногласиях, которые имели место внутри причта и среди прихожан.

Список литературы:

1. *Вострышев М. И.* Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860–1920-е годы. М.: Молодая гвардия, 2004. 315 с.

⁶⁸ Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 114. Оп. 1. Д. 5, 6.
Tver center of modern history documentation, F. 114, po. 1, D. 5, 6.

2. Журавлёв С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А. К. Соколова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
3. Каиль М. В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих, 1918–1920-х гг. // Отечественные архивы. 2012. № 4.
4. Кашеваров А. Н. Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2005. – 440 с.
5. Леонтьева Т. Г. Калининское духовенство в репрессиях 1937–1938 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы VI Международной научной конференции. Иваново, 7–8 февраля 2007 г. Иваново, 2007.
6. Мраморнов А. И. Судебный процесс против Саратовского духовенства в 1918–1919 гг. // Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. / публикация А.И. Мраморнова. М.; Саратов: изд-во Саратовской епархии, 2013. – 880 с.
7. Павлов Д. Б. Трибунальный этап советской судебной системы. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6.
8. Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. – 224 с.

LEGAL CASES AND INVESTIGATIVE DOCUMENTS AS SOURCES OF THE HISTORY OF THE SOVIET ANTICHRURCH POLICY

A. V. Sipeikin

The Tver State University, the Dept of Russian History, Tver, Russia

This article is focused on analysis of legal cases and investigative documents against priests as a historical source. Author thinks that study of these materials lets to trace the history of persecution of priesthood. In addition, the legal cases and the investigative documents contain valuable information about political stance of priests, character of interrelations between them and ordinary believers, and daily life of the Orthodox parishes. The study of the legal cases and investigative documents allows revealing an important information about conflicts between local Soviet officials and the Russian Orthodox Church, and about clashes inside parishes. While studying these problems it is very important to compare data of the legal cases and the investigative documents with information from other kinds of sources. This method allows bringing out great number of out-of-court reprisals against priests and ordinary believers.

Keywords: *Legal cases and investigative documents. Sources of the history of Russian Orthodox Church. Soviet antireligious and antichurch policy.*

